

Николай Вениаминович Каверин (11.10.1933-14.02.2014).

О нем легко писать. Он целен и един. В нем было собрано все лучшее, что есть в русском интеллигенте чистой формации и только оно. Но и трудно, потому что пишешь, и думаешь о том, что его нет, и что это такой не воспроизводимый, редкий вид, таких как он, все меньше и меньше, и что будет с человечеством, когда исчезнет последний? Но кроме того он был моим единственным другом на всю жизнь.

В этом, тыняновском сборнике уместно сказать, что Н.В. --- двойной племянник Ю.Н.Тынянова (а именно, сын младшего брата жены Тынянова, которая была сестрой В.А.Каверина) и сын его сестры (Л.Н.Тыняновой-жены В.А.Каверина). Да еще он племянник великого биолога Л.А.Зильбера старшего брата В.А. и главного друга Ю.Н.Тынянова. И еще, и еще.

Все они, были окончательно обрусевшие евреи, несомненно сохранившие какие-то еврейские гены, но ставшие 100-процентными детьми русской культуры и не желающие вспоминать об иной линии. Любопытно, что Коля на мои скупые (я тоже этого не люблю) рассказы об антисемитизме в этой стране неизменно реагировал относительно спокойно, во всяком случае, менее возбужденно, чем на рассказы о других безобразиях. И говорил, что октябрьский переворот «узаконил» дискриминацию и ликвидацию либеральной русской интеллигенции.

Но остается загадкой мгновенное обрусение тысяч инородцев, освоение ими распространявшейся по воздуху русской культурной ауры уничтоженной варварской революцией и тотальным террором. Это обрусение и даже восприятие дворянских традиций относилось не только к

интеллектуальной сфере, но и к бытовой, разговорной и т.д. Об этом еще мало написано.

Дом его родителей, а позже каверинская дача в Переделкине, всегда были местом, где постоянно появлялись интереснейшие люди, собирались друзья хозяев – лучшие представители литературной и культурной московской среды.

Коля отлично учился и развивался очень быстро. У него было редкое свойство мгновенно воспринимать разнообразную информацию в основном из книг, а также из любых других источников и упорядочивать её, соотносить и выстраивать в законченной форме. Это относилось, конечно к его собственной науке, вирусологии, когда он решил посвятить ей свою научную жизнь, но и, например, к всеобщей истории, которую он знал блестяще, но и, конечно, к литературе, поэзии --- стихам, которых он знал в несметном количестве. Его литературная начитанность несомненно не уступала начитанности профессионального писателя. А безупречный литературный вкус он унаследовал от отца и дяди.

Н.В. стал биологом широкого профиля, он был одним из главных российских специалистов по вирусам гриппа. Говоря о его научных заслугах, как признанного вирусолога я могу лишь сослаться на мнение известного специалиста и отчасти ученика Н.В. и выбрать (непрофессионально) из шести пунктов основных достижений Н.В. только последний:

« Выявление варьирующих антигенных эпитопов в структуре белка нуклеопротеина вируса гриппа А.»

Еще одной его страстью был водный туризм, точнее головоломные байдарочные походы. За множество первопрохождений рек с опаснейшими порогами он получил

звание мастера спорта по водному туризму. Много ли у нас академиков мастеров спорта?

Он женился на дочери друга его отца--- великого русского поэта Н.А.Заболоцкого, --- Наталье Николаевне Заболоцкой. Н.А. был узником сталинских лагерей и когда он вышел на свободу В.А. пригласил его жить у себя на даче в Переделкино. У Коли и Наташи родилось три замечательные дочери (Катя, Ириша, Ася), сделавшие в дальнейшем замечательную научную карьеру.

Всегда внутренне собранный, подтянутый, в меру молчаливый и м.б. даже суховатый, не заботящийся о внешних эффектах и, с другой стороны, имеющий четкую модель окружающей действительности и с иронией ее воспринимающий --- вот его краткий портрет.

За всем этим скрывалась еще одна ипостась Н.В., и именно она меня с ним объединяла, ---- начиная с середины 50-х гг. мы тайно, а потом и явно ненавидели советскую власть от ее первых шагов; мы ненавидели все, что она делала с людьми и со всем миром на протяжении всей ее истории. И особую ненависть (но и страх) вызывало власть и верховенство КГБ. Нас приводило в бешенство непонимание этого большинством окружающих нас людей. Мы думали о другом устройстве человеческого общества. Конечно, мы участвовали по-сильному в самиздатской деятельности, но не приближались особенно близко к диссидентству по разным причинам.

Очень ненадолго у нас появились некоторые надежды в начале 90-х. на то, что наше общество окончательно стряхнет с себя советскую рухлядь. Н.В. предвидел молниеносное отпадение от советской системы стран, поглощенных ею, при

первой открывшейся возможности. В самые последние свои дни он волновался, осуществится ли намного более сложное отпадение Украины.

В послеперестроечные годы Н.В. написал несколько текстов на общественные темы. Какие-то надежды еще сохранялись.

Первую чеченскую войну, которую Н.В. воспринял особенно болезненно. Но и до нее а особенно после 2000 г. нам стало ясно, что нет никаких оснований думать, что в ближайшем будущем Россия уйдет от излюбленного ею полицейско-гебешного устройства жизни.

Мне остается высказать уверенность, что независимо от глобальных исторических процессов войн, переворотов и потрясений, человечество будет сохранять память о людях, в которых концентрировались лучшие качества, накопленные человеческой мыслью и моралью.

А.М.Вершик